МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ
г. МОСКВА
12 АВГ 1976

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

С УСПЕХОМ НА «В Ы»

НА XIII МЕЖДУНАРОДНОМ ФЕСТИВАЛЕ ТЕЛЕФИЛЬМОВ В ПРАГЕ «ПРИЗ «ИНТЕРВИДЕНИЯ» ЗАВОЕВАЛА СОВЕТСКАЯ ЛЕНТА «СТАРШИЙ СЫН» ПО ПЬЕСЕ А. ВАМПИЛОВА. ГЛАВНУЮ РОЛЬ ИСПОЛНИЛ МОЛОДОЙ АКТЕР МОСКОВСКОГО ТЕАТРА ИМ. ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА НИКОЛАЙ КАРАЧЕНЦОВ.

...Мы сидели в гримерной театра, отражаясь в полдюжине зеркал, и я видел Николая, «размноженным» анфас и в профиль, будто на фото для кинопроб. Репродуктор на стене доносил звуковую жизнь сцены: как раз давали чеховского «Иванова». Казалось, идет радиопередача «Театр у микрофона». Еще раньше, когда поднимались по крутой лестнице служебного входа на третий этаж, Николай пояснил: «Лифт на время этой постановки выключают. «Иванов» — наш самый «тихий» спектакль...». Так, под аккомпанемент «тихого спектакля» началось наше знакомство.

Он умеет заинтересовать собеседника, потому что есть в нем тот счастливый сплав, который позволяет ему оставаться самим собой и ни на минуту не переставать быть артистом. Наверное, это и есть настоящая «артистическая натура»... и никакой театральщины. О своей работе Караченцов рассказывает просто, без тени рисовки, «в рабочем порядке», немного даже устало. Да и как еще по-другому, когда дело происходит в перерыве между репетициями, вечером, когда сидишь на краешке стула, и тебя все время спрашивают о чем-то, не терпящем отлагательств, или просто зовут к телефону.

Однако, несмотря на усталость, в голосе Николая явственно звучит увлеченность. На мои вопросы он отвечает неравнодушно, с «накалом», и этим «заводит» собеседника. Артист, он, видимо, призык, чтобы его слушали и понимали. Как на сцене. Поэтому, нанизывая на нить разговора яркие бусины неожиданных ассоциаций, он вдруг спохватывается: «Понятно говорю? Не слишком «лабиринтно»?»

Мне хочется понять, какой он, молодой актер. Уже известный, но еще не «маститый», из театра, о котором его основатель И. Н. Берсенев однажды сказал: «Имени Ленинского комсомола — это не только название нашего театра, но, в трех словах, и его программа».

— Николай, а что это, по-вашему, за понятие — «молодой актер»?

— Если говорить о понятии, то... надежды и разочарования, мечта о большой роли и участие в массовках, ощущение, что можешь сыграть по меньшей мере Гамлета, и... очередной выход — «кушать подано!»

Театральный вуз — не панацея от болезней роста. Диплом еще не дает патента на успех, публика в зале — не институтский худсовет. Сначала чувство такое: плавать учился по инструкции, у берега, а тебя выбросили из лодки посередине озера — плыви. Вот и «барахтаешься». Год, три, пять... Кто как. Пока не найдешь себя. Или не «найдут» тебя. Пока не получишь роль, в которой твердо — так, что сладко сосет под ложечкой, — уверен, это — твое!

Для меня слова «молодой актер» — не просто понятие, связанное с возрастом. Это — звание. Хорошо бы и лет через десять иметь право так называться...

— С каких же ролей лучше начинать молодым, чтобы скорее найти себя?

— Рецепта тут, пожалуй, не дашь, да и судьба каждого артиста складывается по-своему. Могу сказать одно: не стоит ждать от сцены сразу многого. Необходимо работать над собой ежедневно. Тогда постепенно выработается характерность артиста, а значит, появится свое лицо. Без грима.

Мне лично ближе роли, сопряженные с музыкальным или пластическим выражением сущности образа. Как, например, в нашем новом спектакле-зонге по произведениям Пабло Неруды «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты». Вообще люблю музыкальные спектакли и считаю: музыкальность необходима актеру. Мой лучший помощник — гитара. Что касается пластики, то здесь уж «инструмент» — ты сам, твое тело. Его нужно все время «настраивать», быть всегда в форме. Даже тогда, когда твоя роль, допустим, статична по своей сути, и приходится, к примеру, половину спектакля просидеть на стуле. Ведь и это надо уметь делать достоверно, полностью владея своим телом, каждой мышцей. Ну а если роль требует постоянного движения, чуть ли не акробатических трюков? Здесь на помощь приходит спорт...

Главное, кажется, понять, не с какой роли, а как начинать молодому актеру. Думаю, с самого начала надо стремиться к профессионализму, к постижению сути «ремесла», работая над маленькой или большой ролью — неважно.

— Чего вы лично ждете от зрителя? Каким бы хотели его видеть?

— По-моему, самое естественное желание — видеть зрителя умным и доброжелательным, знать, что он пришел в театр думать, сопереживать, а не «прокатывать» свой вечерний туалет по фойе... Мое отношение к истинному зрителю однозначно: его надо любить и уважать. Стараться играть так, чтобы «случайный» зритель стал «своим». Это возможно лишь при полной самоотдаче актера и слаженности ансамбля всей труппы. Иногда бывает, что нет настроя, и чувствуешь, как ускользает контакт со зрительным залом. Вспоминаю тогда слова одного режиссера: «Не может быть, чтобы по ту сторону рампы не сидел хотя бы один добрый и умный человек, который понимает вас на все сто. Так вот, сыграйте весь спектакль как бы для него одного, на едином дыхании. Под занавес увидите: «он» совсем не одинок».

Люблю непосредственного зрителя. Ему нравится — он хлопает так, что ладоням больно, не нравится — тоже дает понять. Не люблю, когда хвалят или ругают спектакль или актера согласно чужим оценкам, следуя «моде». Вообще же считаю, самая благодарная аудитория — дети. Они и верят тебе безраздельно, и сфальшивить нельзя — сразу заметят.

— Николай, вы уже знакомы с творческой удачей, с успехом. Существует ли нечто вроде «искушения славой»?

— Удача, успех, слава... Все это естественно в актерской жизни. Как, впрочем, и неудачи, неуспех, а то и... бесславие. Что ж, видимо, есть какой-то искус. И дело не в том, что первое время, когда тебя начинают узнавать в уличной толпе, нет-нет да и шевельнется что-то внутри. В этом, собственно, ничего страшного нет (кстати, такое узнавание еще совсем не значит, что ты — хороший артист). Дело в том, чтобы не останавливаться в пути.

Другими словами, творческая удача может дать крылья, а может стать и тормозом. И тогда теряется требовательность к себе, и начинаешь двигаться по инерции, жить старым багажом. Так что молодому актеру лучше быть с успехом на «вы». Относиться к первому успеху с уважением, с достоинством, что ли...

— Знаете, — неожиданно признался Николай, улыбаясь, — в детстве я много дрался. Потом понял: это — не метод. Неэффективно. Вот со сцены, с экрана задать перцу негодяям — другое дело. Ненавижу хамство! Расхлябанность и душевная расхристанность вызывают отвращение. А ведь есть такие молодые люди, которые чуть ли не достоинством считают собственное невежество и грубость. Можно сказать, эти люди предают самих себя, свою человеческую сущность. Но еще хуже, когда предают не себя, а других. Со злостью относиться ко всему плохому, что мешает людям жить по-доброму, — вот истинная доброта, — заключил он.

Пришла пора прощаться. И когда я спросил у Николая о его планах, он ответил: «Планы театра — мои планы».

Л. ЧАУСОВ.